

3. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – 210 с.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. - М.: Смысл, 1997.– 195 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1990. – 560 с.
6. Матурана У. Онтология наблюдения // www.philosophy.ru 2002.
7. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. - М.: Лабиринт, 1993. – 250 с.

Түйіндеме

Мақалада сөйлеу әрекеті ақпараттық және сонымен қатар семиотикалық үдеріс ретінде берілген. Сөйлеу әрекеті адамның коммуникативтік қажеттіліктеріне сай келеді және де қызметін адам әрекетінің басқа түрлерімен бірлесе отырып атқарады.

Resume

Oral activity is represented as informative and semiotic process in this article. Oral activity is under the communicative demands of a man and co-functions with other types of human activity

УДК 81'35: 81'27

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ АДРЕСАТОВ

М.К. Акишева, К.Х. Рахимжанов

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова

Социальные роли участников речевого взаимодействия в социально ориентированном общении определяют все речевое поведение. Ролевая ситуация влияет на характер речевого поведения, а в создании социальной ситуации важна роль выбранных языковых средств. Речь сама по себе выступает как средство утверждения социального статуса говорящего. Социальная роль выполняется говорящими в той или иной ситуации деятельности, в том числе, речевой. По Л.П. Крысину, роли коммуникантов сводятся к следующим трем типам отношений между ними: 1) роль первого участника ситуации выше роли второго участника ситуации; 2) роль первого участника ситуации ниже роли второго участника ситуации; 3) роли обоих участников ситуации равны [1].

Социальная роль говорящих определяется их статусом, профессией, национальностью, полом, образованием, возрастом. В зависимости от

своего статуса говорящий играет ту или иную роль, которая предполагает определенные ролевые ожидания. Социальная роль в речевом поведении – это своего рода образец, шаблон поведения, которые формируются поведенческими ожиданиями.

Иными словами, под речеповеденческими ожиданиями, ролевыми эспектициями понимается «набор взаимосвязанных и частично произвольных ожиданий, пониманий, верований, соглашений, разделяемых членами социальной группы» [2]. Поведенческие ожидания могут «подвести» адресата, привести к неадекватной интерпретации речи, если адресат интерпретирует, по-своему домысливая недостающие факты. Причиной подобного «домысливания» часто является та социальная роль, которую играет, «придерживается» адресат речи. Рассмотрим пример:

- Сотрудница фирмы Елена Чернова, проходя по коридору, услышала, как ее начальник – директор фирмы - в разговоре по телефону с заместителем директора по работе с персоналом говорил: «Вы правы, Алексей Петрович, всё идёт к тому, что с Черновой нужно что-то предпринимать». Сотрудница Чернова разволновалась и решила, что ей грозят неприятности. Возможно, решила она, ее уволят. Так она решила, хотя знала, что квалификация ее была выше квалификации других работников, что с работой она хорошо справлялась. Накануне она слышала, как в отделе говорили о том, что последует сокращение штатных единиц, а она была одной из последних принятых на работу. Но на самом деле заместитель директора сказала: «Я сделала анализ работы Черновой, а также использование фонда премиальных отдела, в котором она работает. Только у Черновой при определении оклада и размера премии не в полной мере учтены результативность ее работы и квалификация». Далее она добавила: «Что-то надо сделать, чтобы поднять хотя бы ее заработок». Директор ответил: «Вы правы, ... с Черновой нужно что-то предпринимать» (из разговора).

«Непроизвольным» адресатом не были услышаны предшествующие ответу слова. Внешне может показаться, что неадекватная интерпретация вызвана изначальной неполнотой передаваемой информации, послужившей, в свою очередь, причиной домысливания неслышанного.

Сам вопрос управления вниманием в общении — важная задача не только для говорящего, но и для слушающего. Если эффективность воздействия на него существенна, если он хочет услышать и увидеть именно то, что говорит и делает говорящий, а не что-то другое, он должен уметь управлять своим вниманием. А для этого, поддаваясь «точной» на его взгляд интерпретации, учесть все существующие факторы – как субъективные, так и объективные. В данном случае он должен был постоянно помнить о том, что не слышит второй части разговора по телефону, что это, возможно, очень существенно содействовало бы адекватной интерпретации всего речевого поведения.

В примере в качестве причины неадекватной интерпретации мы называем фактор социальной роли. Адресат пришел к неверной интерпретации в результате выполнения своей социальной роли подчиненного. В диалоге с вертикальным типом отношений главная роль в координации речевого поведения принадлежит собеседнику с более высоким социальным статусом. В нашем примере, в диалоге «в воображении» функцию одностороннего управления речевым поведением «собеседника» Черновой выполняет адресант, в интересах которого и осуществляется этот диалог. Второй причиной, не доминирующей, выступает психологический фактор, в данном случае, тип личности, неуверенность в себе.

Для адекватного понимания речевого сообщения в реальном общении участники коммуникации различными способами обозначают свои социальные отношения. Адресат сам регулирует свое речевое поведение, держит его под контролем, зачастую неосознанно помня о своей социальной роли. В итоге это содействует адекватности интерпретации всего речевого поведения. Пример:

– Сделаем с вами так: вы пишете, а я буду диктовать... То есть не диктовать... О нет, я никогда не посмею. – Рыбников потер руки и закланялся торопливо. – Вы, конечно, будете излагать сами, а я вам буду только давать мысли и некоторые... как бы выразиться... мемуары о войне.

Щавинский сел боком на стол, посмотрел на штабс-капитана, лукаво прищурился один глаз.

И, конечно, упомянуть вашу фамилию?

А что же? Можете. Я ничего не имею против. (А.И. Куприн).

Роль, принятая штабс-капитаном, по «социальной лестнице» ниже роли второго участника коммуникации – Щавинского. Согласно роли, первый коммуникант должен быть неавторитарной личностью, занимать подчиненное положение. Он должен испытывать робость, страх перед вышестоящим. Помня об этом, говорящий регулирует свое речевое поведение, что видно из его слов-поправок «То есть не диктовать... О нет, я никогда не посмею» и невербального выражения подчиненности вышестоящему: «закланялся торопливо». Нельзя обойти вниманием ироничное речевое поведение второго коммуниканта – адресата речи (И, конечно, упомянуть вашу фамилию?), без его описания анализ интерпретации речи участников общения будет неполным.

Здесь следует добавить, что особенности экспликации иронического смысла формируют особые правила его декодирования. Ирония требует учета таких компонентов интерпретации, как контекст, подтекст, содействующие более глубокому декодированию иронического смысла речевого поведения. Как видно из примера, ирония здесь используется для выражения скрытой насмешки над человеком, нарушившим порядок социальных отношений,

что выразилось в почти авторитарных словах «я вам буду только давать мысли и некоторые...мемуары о войне». В итоге создается второй план, резко отличный от первого; появляется контраст между предметно-логическим и контекстуальным значением. Этому содействует и использование языкового средства – вводного слова «конечно», и такого невербализованного способа передачи иронического смысла, как лукавый прищур глаз, также немаловажную роль играет эмоционально-оценочный компонент. Ирония выступает как напоминание или намек на то, что говорящий нарушил ролевые отношения, как доказательство того, что предполагаемые ролевые ожидания второго коммуниканта не оправдались. В то же время ирония – индикатор авторитарного контекста. Неавторитарный коммуникант не может шутить, иронизировать по отношению к вышестоящему. Тогда ирония адресата здесь выступает как напоминание о нарушении утвердившегося порядка социальных отношений.

Порой к вербальным социально-символическим средствам может относиться даже намеренная имитация произношения, закрепленного за определенной группой людей. Замечено, что мы приспособливаем наш язык к языку партнера в том случае, если он нам нравится. С другой стороны, когда мы хотим прекратить разговор, когда хотим выразить несогласие с мнением говорящего, мы можем достичь этого, подчеркнув различия в нашей речи:

- Уместно будет добавить, что сам выбор стиля произношения также относится к числу социально-символических средств. Высокий стиль воспринимается как более официальный, дистанцированный, за счет подчеркнуто правильного употребления слов и построения предложений. Низкий стиль, включающий в себя разговорную речь (жаргон, сленг), воспринимается как неформальный, дружеский. Смена стиля обращения, в частности, использование формы обращений ты / вы, сама по себе может быть приемом, направленным на повышение или понижение статуса.

«Выход» за рамки своей социальной роли влияет на интерпретацию речи адресанта, может сделать неуместным все его речевое поведение:

- Господа, Василий Терентьевич просил меня сообщить вам, что он берет все расходы по пикнику на себя, - говорил Свежевский, торопливо переходя от одной группы к другой...

И, не утерпев, движимый тем чувством, которое заставляет лакея хвастать щедростью своего барина, он добавил веско:

- Мы истратили на пикник три тысячи пятьсот девяносто рублей!

- Попролам с господином Квашниным? – услышался насмешливый голос....

- Что вы изволили сказать? – переспросил Свежевский, густо краснея.

- Нет, это вы изволили сказать: «Мы истратили три тысячи», и я имею

полное основание думать, что вы подразумеваете себя и господина Квашнина под этим «мы»... в таком случае я считаю приятным долгом заявить вам, что если я принимаю эту любезность от господина Квашнина, то ведь от господина Свежевского я ее могу и не принять...

- Ах, нет, нет... Вы не так меня поняли, - залепетал переконфуженный Свежевский. – Это все Василий Терентьевич. Я просто только.. как доверенное лицо.. Ну, вроде как приказчик, что ли, - добавил он с кислой усмешкой (А.И. Куприн).

Говорящий «вышел» за рамки своей социальной роли. Использование им местоимения «мы» уравнивало его и барина, это не преминули заметить, ему быстро указали на место в социальной иерархии, а языковым индикатором этого послужило введение в речь-обращение к нему подчеркнутого «вы».

Как видим, режим несогласия адресата, выразившийся в словах «Пополам с господином Квашниным» связывается с нарушением категории статусности. Нарушение осуществлено говорящим. Говорящий допустил ошибку, подразумевая «себя и господина Квашнина под этим «мы», тем самым он пусть ненамеренно, а только «движимый тем чувством, которое заставляет лакея хвастать щедростью своего барина» осуществил неправильную номинацию не только себя, но и адресата. Выбрав неконвенциональное в данном случае «мы», говорящий уравнивал себя и адресата, поэтому, как ни парадоксально, адекватная интерпретация адресата выразилась в его словах «если я принимаю эту любезность от господина Квашнина, то ведь от господина Свежевского я ее могу и не принять».

В данной ситуации общения говорящий неверно соотносит свои высказывания с объективной реальностью, иначе говоря, неверно определяет референцию, вследствие чего нарушается принцип релевантности. Кроме того, адресат интерпретирует преподносимую информацию таким образом, что говорящий не может верно идентифицировать предмет обсуждения. Адресат своей репликой осуществляет попытку скорректировать объем фоновых знаний говорящего на основе ошибочного заключения о значении референта высказывания. Говорящий реагирует не только на саму сущность речевого поведения партнера по общению, но и на некоторые формальные элементы языкового кода, соблюдения ритуала, статусности, вежливости.

Итак, речевое взаимодействие должно рассматриваться в первую очередь в перцептивном плане, в отношении адресата речи, «обратной связи», а значит, в отношении адекватности/ неадекватности ее интерпретации.

Адекватность интерпретации своему объекту – это степень достоверности в оценке функций такого объекта реальному окружению - тексту, контексту, ситуации, знание которых и есть часть локальных знаний.

А говоря о неадекватной интерпретации, мы имеем в виду не вопрос согласия или несогласия с коммуникатором, не вопрос о «правильном»

или «неправильном» восприятии: каждый человек вправе, вступая в коммуникацию, общаться или воспринимать тексты так, как ему угодно, как он привык, как он этому научен. Однако практика речевого общения убеждает нас в том, что даже при соблюдении всех условий, обеспечивающих адекватное речевое взаимодействие, результат, к которому оно приведет, может соответствовать или не соответствовать поставленной говорящим цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1989. – 261 с.
2. Бок Ф.К. Структура общества языка // Новое в лингвистике Вып VII. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 103.

Түйіндеме

Мақалада өзара сөйлеу әрекеті перцептивтік жағынан, сөйлеу адресатына қатысты қарастырылады; сөйлеу сөйлеушінің әлеуметтік статусын көрсететін әдіс ретінде беріледі.

Resume

In the given article oral interaction is consialered in a perceptive way towards the communicators oral activity as a means of establishing social status of the speaker.

УДК 398.224 (574)

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ КАК ФОЛЬКЛОРИСТА МАШХУРА ЖУСИПА

М.Н. Баратова, Н.К. Жусупов

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова

В последнее время благодаря независимости раскрыты так называемые искусственные «белые пятна» истории. Свидетельством этому является издание двух томов Избранного из богатого наследия, объемом в 25-30 томов, известного акына, фольклориста, историка Машхур-Жусипа Копеева, вместе с этим в последние 5-6 лет часто публикуются собранные им образцы устной литературы и фольклора, а также произведения акына. В этом контексте следует отметить, что до сегодняшнего времени вопрос о жизненном пути Машхур-Жусипа рассматривался поверхностно, не обращено должного внимания на рукописи самого акына или его племянника Жолмурата [1].